

20. Семенин А. А. Центры развития государственно-частного партнерства: сравнительный анализ / А. А. Семенин. – Москва, 2010. – Режим доступа: <http://www.pppi.ru/documents/practik.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
21. Третьяк Н. В. Образование: кооперация как ключ к успеху / Н. В. Третьяк, 2011. – Режим доступа: <http://www.opes.ru/1149488.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
22. Учебное пособие по вопросам развития ЧТП в сфере высшего профессионального образования. ФГОУ ВПО Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации, 2010 г. – Режим доступа: http://partner-fin.ru/u/uhebnoe_posobie_vpo.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. .
23. Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». – Режим доступа: <http://www.fcprk.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
24. Федеральный закон Российской Федерации от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности».
25. Федеральный закон от 03.11.2006 г. №174-ФЗ «Об автономных учреждениях». – С. 1.
26. Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, 2011г. – Режим доступа: <http://www.fasie.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
27. Центр образовательного аутсорсинга «Практическая экономика и предпринимательство», 2011. – Режим доступа: http://www.gorodfinansov.ru/expert/index.php?ELEMENT_ID=2389, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
28. Якимец В. Н. Создание работоспособных механизмов социального взаимодействия – шанс для возрождения России / В. Н. Якимец // Профессионалы за сотрудничество. – 2000. – № 4. – С. 153.
29. Якимец В. Н. Межсекторное социальное партнерство: возможности и ограничения / В.Н. Якимец. – М. : РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук, 2001. – С. 39.
30. Якимец В. Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы / В. Н. Якимец. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 384 с.
31. Якимец В. Н. Межсекторное социальное партнерств (государство, бизнес, некоммерческие организации) / В. Н. Якимец. – М. : ГУУ, 2002. – С. 80.
32. Lee S. Public-Private Partnerships for development: A handbook for Business, 2006 / S. Lee. – Режим доступа: <http://www.ced.org/library/reports/53/107-public-private-partnerships-for-developornt>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ., рус.

МИГРАЦИОННЫЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОЙ ЗОНЫ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)

В.С. Баев
(Россия, Ставрополь)

В статье на основе проведенного автором социологического исследования дается анализ и формулируются рекомендации по поводу стабилизации социально-политической ситуации в восточных районах Ставропольского края.

The article based on the the author's sociological survey analyzes and makes recommendations regarding the stabilization of the socio-political situation in eastern districts of the Stavropol region.

Ключевые слова: Ставропольский край, восточные районы, социальная напряженность, социально-политическая ситуация, миграция, демографический фактор.

Key words: the Stavropol region, eastern areas, social tension, socio-political situation, migration, demographic factor.

Если в индустриальном обществе миграция являлась частью государственной политики и связывалась с привнесением «своего» политического порядка в инополитическую среду, то в условиях глобализации миграционные процессы начинают выступать в качестве неотъемлемой составляющей политического процесса. Это приводит к тому, что наблюдается политизация миграционных процессов, политические

процессы детерминируются миграционными волнами, миграция становится неотъемлемым элементом системы национальной безопасности. Мигранты в контексте политической науки могут быть определены как люди, которые были выдвинуты с традиционного места жительства и в результате осознания себя целостным субъектом поведения на новом месте жительства и появления чувства групповой солидарности, стремятся реализовать свои, отличные от субъектов принимающего общества, политические интересы через ту или иную форму участия в политической деятельности [3]. Достигая их, мигранты вступают в политические взаимодействия, что, с одной стороны, приводит к формированию новых политических структур, а с другой стороны, к появлению и укоренению в сознании людей символов, понятий, суждений, ценностных ориентиров, с помощью которых они оценивают политические события. Таким образом, миграционные процессы влияют на политическую жизнь и политический порядок и приобретают политическое содержание.

Миграция и порожденные ею проблемы в современном мире, с одной стороны, используются отдельными партиями и политическими движениями для достижения своих политических интересов, а с другой – становится объектом государственного управления с целью достижения социального и политического консенсуса [4]. Активное вовлечение мигрантов в политическую жизнь делает их активными участниками политических процессов. Интенсификация миграционных потоков в конце XX в. была обусловлена, прежде всего, социально-политическими и социально-психологическими факторами: ликвидация старых и появление новых государств; этнополитические, военные, территориальные конфликты, изменение политического сознания и политической культуры людей, находящихся в условиях политической трансформации, вследствие чего стала политической дестабилизация на разных уровнях политической реальности. Совокупность этнополитических, социальных, экономических и этнокультурных изменений оказалась пусковым механизмом для формирования территориальной подвижности населения и породила проблему беженцев которые стали дестабилизирующим фактором не только экономического, но и политического развития страны.

Современная миграционная политика РФ проводится на фоне роста мифологизации миграционных процессов и существования мигрантофобии не только на уровне сознания обывателя, но и государственных чиновников. Это определяет специфику проводимой миграционной политики, в которой преобладает жесткий миграционный контроль с ориентацией на силовые меры. Демографический кризис, кризис трудовых ресурсов, отток населения из отдельных регионов страны вынуждает государство использовать миграционный потенциал для решения этих проблем и корректировать сложившуюся миграционную политику, ставит его перед необходимостью отказа от силовой политики в преодолении негативных последствий миграционных процессов, через регулирование миграционных потоков, создание условий для беспрепятственной реализации прав мигрантов, обеспечение баланса прав и законных интересов коренного населения, мигрантов и лиц, ищущих убежища на территории России [2].

Миграция населения является одним из факторов, характеризующих социально-политическую ситуацию Ставропольского края и оказывающих влияние на его безопасность. В связи с сохраняющейся социально-политической нестабильностью на Северном Кавказе, вызванной неустойчивой геополитической ситуацией в регионе, нерешенностью ряда исторических конфликтов, изменением этнического баланса на территории края, преобладает вынужденная стрессовая миграция, что делает миграцию фактором регионального политического процесса и приводит к обострению угрозы национальной безопасности вообще и безопасности местного сообщества в частности [1].

Рабочая группа Ставропольского краевого общественного Фонда «Содействие-Юг», в состав которой входил автор данной статьи, провела исследование ситуации в сфере межнациональных отношений, социально-экономической и общественно-политической проблематики в восточных районах Ставропольского края. Было проведено глубокое социологическое исследование, в котором приняли участие более пятисот респондентов. Кроме того, состоялся цикл рабочих встреч с национальным,

экономическим, политическим активом районов. Собеседование проводилось по методу глубинного интервью с целью выяснения тенденций развития ситуации.

Результаты социологического опроса и интервью с представителями актива районов позволили выявить наиболее острые вопросы межнациональной, общественно-политической и социально-экономической повестки дня: 1) в районах, подвергнутых исследованию, существуют глубокие опасения возникновения конфликтов в ближне- и долгосрочной перспективе, противоречия между основными этническими группами; 2) основная линия противоречий пролегает между славянским населением, ногайской и туркменской диаспорами, с одной стороны, и представителями дагестанских этносов (прежде всего, даргинцев), с другой. Необходимо иметь в виду, что миграционные процессы являются одним из наиболее значимых геополитических факторов, влияющих на социально-политическую ситуацию в Северо-Кавказском регионе. В постсоветский период они стали более интенсивными, породив широкий перечень социальных проблем.

Наличие многочисленных межэтнических конфликтов в приграничных территориях составляет негативный аспект геополитического положения Северо-Кавказского региона. Народы, оказавшиеся в зонах конфликта, еще в 80-е гг. XX в. начали рассматривать Россию и Северный Кавказ как надежное укрытие. Межэтнические конфликты на территории самого Северного Кавказа усугубляют негативные последствия его геополитического положения, превращая его в район этнической катастрофы. Миграционные потоки 1990-х гг. в сочетании с экономической депрессией сформировали ряд долгосрочных конфликтогенных зон на Северном Кавказе.

В настоящее время от «стрессовой» миграции, от беженцев и вынужденных переселенцев северокавказский регион перешел к преобладанию экономически обусловленных миграционных потоков. Прежде всего, речь идет о трудовой миграции. Фактически, весь Кавказ сегодня четко разделен на две группы – трудодефицитные и трудоизбыточные регионы. К числу первых относятся равнинные регионы (Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область), в которых наблюдается относительно быстрый темп экономического развития на фоне отрицательного или балансирующего на нулевой отметке демографического тренда.

Вторую группу составляют большинство национальных республик, где на фоне экономической депрессии фиксируется быстрый демографический прирост, велика доля молодого населения. Особенно ярко трудоизбыточность проявляется в Дагестане, Чеченской республике и Ингушетии. В том же Дагестане сегодня в молодежной среде отмечается 80-процентный уровень безработицы. Понятно, что такой дисбаланс неизбежно толкает молодых жителей республик к трудовой миграции.

В целом, для Северного Кавказа стала актуальной проблема этнического разделения, разобщения. Противоречия между славянским населением, ногайцами или туркменами, если и существуют, то стерты и отнесены самими участниками общественного процесса на периферию внимания. Сами участники опросов склонны считать представителей славян, ногайцев и туркмен союзниками и выступают против заселения даргинцев.

Представители славянского актива, ногайской и туркменской диаспор формируют единую позицию, согласно которой заселение даргинцев является главной и наиболее опасной из существующих в настоящее время проблем восточных районов края. Эту же позицию в неофициальных беседах разделяют все представители местных органов власти, правоохранительных структур, органов образования и соцзащиты, общественных организаций.

Представители так называемых диаспор, объединяющих дагестанские этносы (в первую очередь, даргинской диаспоры), опровергают мнение, сформированное славянами, ногайцами и туркменами. По консолидированному мнению лидеров даргинских диаспор, действия, направленные на преобладание сферы влияния в экономике и общественной сфере, являются морально допустимыми и законными. Усредненное объяснение ситуации, высказываемое представителями даргинского населения, звучит так: «Мы живем здесь давно, действуем в рамках закона, и наши требования полно-

стью укладываются в набор прав, предоставленных каждому гражданину России». Проявления же криминальной активности объясняются правилом «в семье не без урода», то есть существованием некоего незначительного количества дагестанского криминалитета, бросающего тень на всех дагестанцев, проживающих в восточных районах.

Вместе с тем, в ходе бесед по методу глубокого погружения сами представители даргинской диаспоры из числа тех, что давно проживают в крае и успели заработать определенный авторитет в экономической и общественной жизни, свидетельствуют о существовании культурного разлома между ними, и «новыми» дагестанцами, прибывшими в край в последние десять лет. По высказываемому ими мнению, новые переселенцы из Дагестана не имеют мотивации к культурной интеграции в местное сообщество, нацелены на захват экономически значимых объектов и территорий, выдавливание коренного недагестанского населения. Респонденты из числа дагестанских этносов говорят о том, что сегодня в край из Дагестана приезжают люди, проигравшие социальную конкуренцию в родной республике. При этом существующие в дагестанской среде обычаи заставляют «старых дагестанцев» оказывать поддержку «новым» переселенцам. Кроме того, каждый представитель дагестанских этносов остается в жесткой зависимости от традиций собственного народа, что также работает на обособление дагестанских этносов от местного населения.

Религиозная принадлежность ряда национальностей восточных районов края не имеет значимого объединительного значения. Ногайцы и туркмены, не смотря на исламскую общность с дагестанскими народами, не чувствуют с ними какого-либо родства, считая славян более близкими по культуре, и потому предпочтительными партнерами. Представители органов образования, отрицая наличие межнациональных конфликтов в детской среде, вместе с тем отмечают наличие ряда глубоких проблем, связанных с социальной адаптацией и обучением детей и подростков дагестанских национальностей.

Демографическая ситуация, баланс населения различных национальностей пока в большинстве населенных пунктов обоих районов в целом пока позволяют рассчитывать на сохранение межнационального равновесия. Учитывая существенный удельный вес славянского населения, являющегося мощнейшим сдерживающим фактором, а также стабильность численности ногайцев и туркмен, можно говорить о том, что нынешняя общественная структура районов близка к оптимальной. Сегодняшнее количество дагестанского населения, составляющего 10–12 % от населения обоих районов, в среднесрочной перспективе обществу, вероятно, удастся сохранить, нынешнее положение – остаточная организационная и силовая поддержка со стороны [4, с. 343]. Вместе с тем, в демографической сфере обоих районов преобладают негативные тенденции. Работают процессы вытеснения славян, наблюдается и довольно быстрое увеличение доли дагестанского населения. В ближайшем будущем сохранение существующих тенденций может привести к переходу должностей, избираемых всеобщим голосованием, под контроль дагестанских этносов. Но наиболее важной проблемой является перспектива обострения существующих межэтнических конфликтов на фоне вымывания славянского населения. Когда численность славян упадет ниже критического предела, столкновения ногайцев и туркмен, с одной стороны, и дагестанцев, с другой стороны, станут не только неизбежными, но и несравнимо более острыми, чем сейчас.

Острота будущих конфликтов между ногайцами и туркменами с дагестанскими этносами во многом обусловлена фактором отсутствия «второй родины» для представителей ногайской и туркменской национальности. Славянская семья может уехать из ставшего «чужим» района в любой из десятков регионов России с преобладанием славянского населения, и найти там для себя близкую культурную среду. Ногайцам и туркменам же ехать некуда. Земли их традиционного проживания полностью попадают в зону нынешней дагестанской экспансии.

Представители районных властей и муниципалитетов поселений свидетельствуют о понимании ситуации. Руководители на местах видят существующие проблемы и глубоко обеспокоены тенденциями, способными обострить ситуацию уже в

ближайшем будущем. Однако в существующих условиях у муниципалитетов в буквальном смысле во многом органически главы районов и поселений не имеют достаточных финансовых и организационных ресурсов для влияния на межнациональную ситуацию. По консолидированному мнению, высказываемому представителями местных властей, должная ресурсная поддержка со стороны края могла бы оказаться достаточно значимым фактором сохранения межнационального мира.

О пассивности и малоэффективности казачества как сдерживающей силы говорили практически все респонденты и участники бесед с активом. Местное казачество, по свидетельствам респондентов, в правовом и социально-политическом смысле не всегда пользуется законными рычагами для урегулирования и профилактики конфликтов. У местных казаков нет собственной, более ясной, идеологии и внятной политической цели, они не понимают своей потенциальной роли, как регулятора межнациональных отношений. В этой связи респонденты неоднократно поднимали вопрос ответственности за взаимодействие с местным казачеством.

Социально-экономическую ситуацию большинство опрошенных назвало в числе главных «виновников» негативного развития межнациональных отношений. В обоих районах резко выражены проблемы безработицы, бедности, социального иждивенчества. В районах есть рабочие места, однако уровень оплаты в них часто близок к уровню пособия по безработице. Во многом именно отсутствие реального, поэтапного экономического становления, замены коренного населения привело к тому, что более социально активные, не фиксирующиеся на патерналистских идеях, даргинцы с достаточной легкостью занимают «командные высоты» в самых разных секторах экономики районов.

В Нефтекумском районе Ставропольского края социально-экономическая ситуация поддерживается в более-менее позитивном диапазоне за счет работы нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий. Большинство респондентов и участников бесед в той или иной форме поддержали тезис о том, что «уйдут нефтяники – пропадет район». Кроме того, развитость городской инфраструктуры во многом работает фактором удержания славянского населения. Потому снижение роли районного центра в результате экономической депрессии способно привести к быстрому ухудшению межнациональной ситуации в районе.

Весь комплекс существующих на востоке края проблем требует своего решения на максимально высоком, в идеале федеральном, уровне. В начале 2000-х гг. были попытки признать Ставропольский край зоной, обладающей особым статусом (в т.ч. Закон о миграции в Ставропольском крае). Несмотря на неудачу тогдашних попыток, идея законодательного определения Ставрополя как зоны особой национальной значимости остается более чем актуальной. Федеральный (или, в худшем случае, краевой) закон позволит прописать на законодательном уровне целый ряд действенных мер стимулирования экономической и общественной активности в Ставропольском крае и защитить интересы коренных жителей региона.

Список литературы

1. Диагностика социальной напряженности в обществе: региональный аспект / под ред. П. В. Акинина, С. В. Рязанцева. – Ставрополь : Сервисшкола, 2002. – 240 с.
2. Дмитриев А. В. Миграция: конфликтное измерение / А. В. Дмитриев. – М. : Альфа-М., 2006. – 432 с.
3. Ефимов Ю. Г. Миграционные процессы как фактор перманентной трансформационной динамики социально-политических структур: политологический анализ / Ю. Г. Ефимов. – Ставрополь : Изд-во СевКавГТУ, 2006. – 164 с.
4. Ефимов Ю. Г. Миграция как фактор современного политического процесса: глобальный, национальный и региональный уровни анализа / Ю. Г. Ефимов, Г. В. Косов, Т. А. Чекан. – Ставрополь : Ставропольское отделение РАПН, 2009. – 398 с.
5. «Русский мир» и проблемы обеспечения устойчивого развития региона / под ред. Г. В. Косова. – Ставрополь : Ставропольское книжное издательство, 2008. – 268 с.